

РОЖДЕНИЕ
и ГИБЕЛЬ
ВЕЛИКОГО
ОРДЕНА

ТАМПЛИЕРЫ

ДЭН
ДЖОНС

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Дэн Джонс

**Тамплиеры. Рождение и
гибель великого ордена**

«Альпина Диджитал»

2017

Джонс Д.

Тамплиеры. Рождение и гибель великого ордена / Д. Джонс —
«Альпина Диджитал», 2017

Тамплиеры были одним из многих религиозных орденов, возникших в Европе и на Востоке в Средние века, но, без сомнения, самым прославленным и загадочным. Начав очень скромно, орден Храма быстро превратился в самую могущественную организацию своего времени, а его рыцари стали полулегендарными персонажами. Уничтожение ордена в начале XIV века потрясло христианский мир. Конец тамплиеров наступил столь внезапно и был таким жестоким, что породил новые легенды о них. И сегодня, когда прошло более семи веков после разгрома ордена, тамплиеры не забыты: интерес к ним не угасает, им хотят подражать, а кто то буквально одержим ими. Кем же на самом деле были рыцари ордена Храма? Британский историк Дэн Джонс убежден, что многое в истории тамплиеров находит мощный отзвук в сегодняшнем дне. Его книга – не только о рыцарях ордена Храма, но и о нескончаемой войне в Палестине, Сирии и Египте; о международной организации, более могущественной, чем некоторые правительства; о связи финансов и геополитики; о силе пропаганды и мифотворчества; наконец, о жестокости, вероломстве и предательстве.

© Джонс Д., 2017

© Альпина Диджитал, 2017

Содержание

Карты	6
От автора	7
Предисловие	9
Часть I. Пилигримы, ок. 1102–1144	14
1	14
2	22
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дэн Джонс

Тамплиеры: Рождение и гибель великого ордена

Переводчик *Наталья Нарциссова*
Научный редактор *Артем Космарский*
Руководитель проекта *Д. Петуикова*
Корректоры *М. Миловидова, О. Улантимова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Посвящается Джорджине

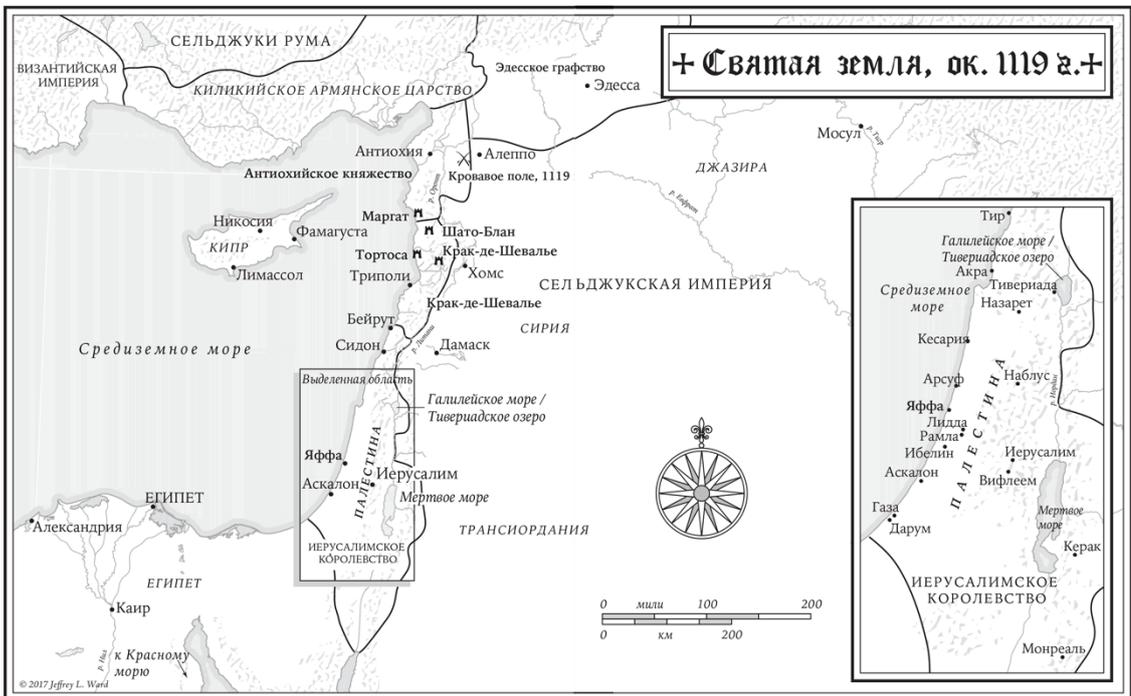
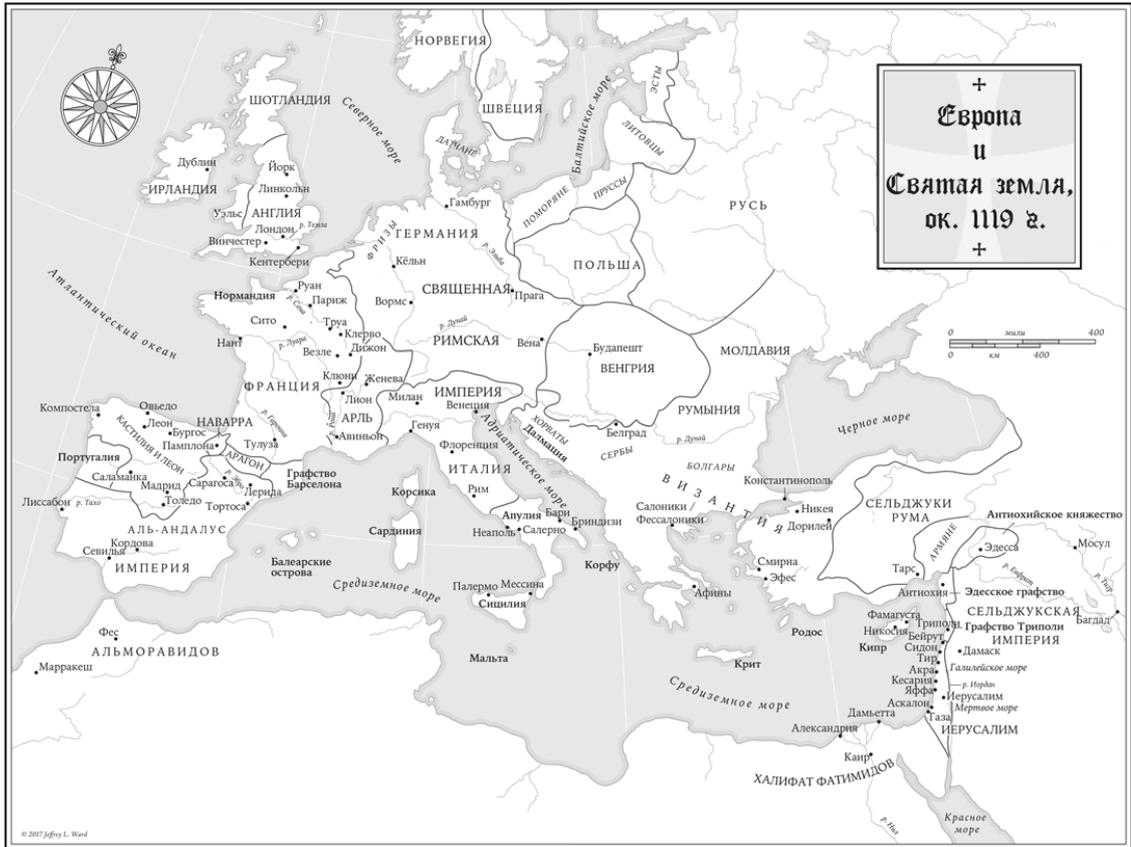
Карты

1. Европа и Святая земля, ок. 1119 г.
2. Святая земля, ок. 1119 г.
3. Путешествие Зевульфа, ок. 1102 г.
4. Владения тамплиеров в Западной Европе во времена Второго крестового похода, ок. 1147 г.
5. Второй крестовый поход, 1148–1149 гг.
6. Крепости тамплиеров на латинском Востоке
7. Завоевания Саладина к 1190 г.
8. Дамьетта и Пятый крестовый поход
9. Монголы и мамлюки, ок. 1260–1291 гг.

От автора

История тамплиеров разворачивалась на протяжении значительного времени и на обширных территориях, населенных представителями разных культур. Не все, что происходило в тот период, одинаково хорошо знакомо западному читателю. При этом имена и названия значительно различаются в английском, французском, немецком, испанском, итальянском, латинском, греческом, арабском, турецком и других языках, которые активно использовались в тот период, и в этом отношении источники часто бывают разноречивы. Переводить арабские и турецкие имена и названия на английский – традиционно непростая задача. Единых правил тут не существует, и даже такое значимое имя, как Мухаммед, не говоря уже об именах менее известных личностей, пишут по-разному. В ходе работы над книгой мне постоянно приходилось выбирать вариант написания, зачастую произвольно. Например, Салах ад-Дин Юсуф ибн Айюб, великий султан Египта и Сирии и заклятый враг тамплиеров, известен большинству западных читателей как Саладин – именно так его называли крестоносцы. В наши дни более удачным сокращением признается Салах ад-Дин, но при его использовании не всем ясно, кто именно имеется в виду. Поэтому я называю султана Саладином. Однако его менее известного брата и преемника я именую аль-Адилем, а не Сафадином, ориентируясь не на средневековых христианских хронистов, а на современные нормы, принятые в научном мире.

Не в каждом случае все так просто. Как называть тюркский степной народ, который в 1055 году захватил Багдад, а ко времени появления на Востоке крестоносцев распространил свои владения на большую часть Святой земли? Транслитерировать ли арабское слово «сальджук» или выбрать турецкое «сельчук»? И это не все возможности, в частности, можно написать «сельджуки». В подобных случаях, когда приемлемых вариантов много, но очевидно предпочтительного нет, я обращался за руководством к Новой энциклопедии ислама (она предлагает вариант «сельджуки»). Также я консультировался по вопросу имен и названий с профессором Полом Коббом, и он, как всегда, дал мне хороший совет, за что я ему признателен. Оставшиеся ошибки – на моей совести. Среди других принятых мной решений: я не стал включать символы, иногда используемые для транслитерации арабских слов на латиницу, на том основании, что в тексте не строго академического характера они будут скорее отвлекать читателя, чем принесут ему пользу. Имена большинства персонажей этой книги я последовательно использовал в их стандартном англоязычном написании. Кроме того, во многих случаях я для ясности осовременил названия мест; таким образом, в главе 1 Иоппия становится Яффой (хотя поселение, которое я описываю, находится сегодня в Тель-Авиве – Яффе). Вместо Вавилона, как называли этот город крестоносцы, в тексте фигурирует Каир. Однако в ряде случаев подобное осовременивание было бы неуместно, поэтому я использую название Константинополь, а не Стамбул. Что касается поселений крестоносцев в Святой земле, то одно и то же место могло иметь три и больше наименований. Так, великая крепость тамплиеров на юге Акры (ныне Акко) для ее основателей была Пелерэн Кастель. Сегодня ученые называют ее Атлит. Но я предпочел осовременить французский вариант названия, и в моей книге это Шато-де-Пелерин, а слово «Атлит» указывается в скобках при первом упоминании и иногда в дальнейшем. При этом я не стал переводить название дословно, что звучало бы как Замок пилигримов. Все это не выстраивается в строгую систему, но я и не ставил перед собой такую цель, а стремился, скорее, к легкости восприятия текста. Временами мне, возможно, не удавалось достичь ни того ни другого, и остается лишь рассчитывать на ваше терпение и понимание, уважаемый читатель.

*Не думайте, что Я пришел принести мир на землю;
не мир пришел Я принести, но меч.*
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, ГЛАВА 10, СТИХ 34

Предисловие

Тамплиеры были святым воинством. Людьями веры и меча, паломниками и солдатами, нищими и банкирами. Алыый крест на их одеждах символизировал кровь Христову, пролитую во спасение всего человечества, и готовность самих тамплиеров проливать свою кровь ради служения Господу. Они были лишь одним из множества религиозных орденов, возникших в средневековой Европе и Святой земле в XI–XIV веках, но, без сомнения, самым прославленным и самым загадочным.

Сформировался орден в результате крестовых походов – войн, начатых в Средние века Церковью против в первую очередь исламских, хотя и не только, правителей Палестины, Сирии, Малой Азии, Египта, северо-западной Африки и южной Испании. Поэтому тамплиеры распространились по всему обширному Средиземноморью и за его пределы: их можно было встретить на полях сражений на Ближнем Востоке и в городах и деревнях по всей Европе, где находились их обширные поместья, доходы от которых шли на финансирование военных походов ордена. Слово «тамплиеры» (храмовники, от франц. *temple* – храм) произошло от их полного названия «бедные рыцари Храма», или, что использовалось реже, «бедные воины Христа и Иерусалимского храма». Оно прямо указывало на то, что орден возник на Храмовой горе в святейшем городе христианства. Но присутствие тамплиеров ощущалось почти всюду. Еще во времена существования ордена они стали полуполюгендарными персонажами, героями сказаний, баллад, произведений искусства и исторических трудов. Они были неотделимы от представления о крестовых походах – и так остается и по сей день.

Орден возник в 1119 году, и в основу его существования легли принципы целомудрия, послушания и бедности – последний из которых был увековечен в официальной печати великого магистра, изображавшей двух вооруженных братьев ордена, едущих на одном коне, – но очень скоро он стал богат и влиятелен. Среди друзей (и врагов) великих магистров ордена на Святой земле и в Европе были короли и принцы, королевы и графини, патриархи и папы. Орден помогал финансировать войны, давал денежные займы королям, распоряжался королевской казной, собирал налоги, строил замки, управлял городами, создавал армии, вмешивался в торговые споры, соперничал с другими военными орденами, подготавливал политические убийства и даже помогал возводить на престол королей. Начав очень скромно, он превратился в самую могущественную организацию позднего Средневековья.

При этом – что удивительно – тамплиеры пользовались признанием и популярностью в народе. В глазах многих они, в отличие от далеких правителей, были местными героями. Молитвы, возносимые братьями ордена в их европейских обителях, имели не меньшее значение для спасения на небесах всех христиан, чем кровь, которую рыцари-храмовники проливали на полях сражений. Богатство ордена складывалось не только из подношений благочестивой знати, но и из небольших пожертвований простых людей, которые готовы были отдать то небольшое, что у них было, – краюху хлеба, корзинку овощей – в местный монастырь тамплиеров, чтобы помочь финансировать военную миссию ордена на Востоке.

Конечно, встречались и недовольные. Некоторые считали, что орден слишком независим и нарушает якобы мирные принципы христианства. Временами тамплиеры подвергались ожесточенным нападкам, особенно со стороны богословов и монахов, которых раздражало привилегированное положение ордена: защищенный властью папы, он никому не подчинялся и был освобожден от налогов, которыми облагались другие ордены. Бернард Клервоский – своего рода крестный отец ордена – приветствовал тамплиеров как «новое рыцарство», но столетие спустя другой просвещенный французский монах назвал их «новым чудовищем».

Тем не менее внезапное уничтожение ордена в начале XIV века, массовые аресты, преследования, пытки, показательные процессы, сожжения и захват всего имущества тамплие-

ров потрясли христианский мир. В течение нескольких лет орден подвергался гонениям и в конце концов был распущен, а его членов обвинили в отвратительных и тяжких преступлениях. Конец тамплиеров наступил столь внезапно и был таким жестоким, что породил новые легенды о них. И сегодня, когда прошло больше семи веков с тех пор, как орден прекратил существование, тамплиеры не забыты: интерес к ним не угасает, им хотят подражать, а кто-то и буквально одержим ими.

Итак, кем же были тамплиеры? На этот вопрос не так просто ответить. Многочисленные художественные и телевизионные фильмы представляют их по-разному: героями, мучениками, головорезами, наемными убийцами, жертвами, преступниками, извращенцами, еретиками, растленными провокаторами, хранителями святого Грааля, защитниками тайных потомков Христа и агентами мирового заговора. Последний образ особенно популярен у псевдоисториков, неустанно муссирующих тему «тайны тамплиеров». Она предполагает их участие в некоем вневременном заговоре, цель которого – скрыть грязные тайны христианства, и намекает на то, что средневековый орден жив и продолжает тайно править миром. Иногда это очень занимательно. Но не имеет никакого отношения к тамплиерам.

Эта книга призвана рассказать историю тамплиеров – таких, какими они были, а не какими предстают в легендах. Свою задачу я вижу не столько в том, чтобы обратиться к мифу о тамплиерах и развенчать его, сколько в том, чтобы показать: их реальные свершения были еще более выдающимися, чем те, что приписывают им рыцарские романы и полуправдивые и загадочные истории, появившиеся и продолжающие появляться после распада ордена. Кроме того, я убежден, что многое в истории тамплиеров находит мощный отзвук в сегодняшнем дне. Это книга о нескончаемой войне в Палестине, Сирии и Египте, где мусульмане – сунниты и шииты сражаются с воинственными христианскими захватчиками с Запада; о глобальной, не облагаемой налогами организации, которая разбогатела настолько, что стала более могущественной, чем некоторые правительства; о связи международных финансов и геополитики; о силе пропаганды и мифотворчества; о жестокости, вероломстве, предательстве и жадности.

Те, кто читал мою книгу об Англии эпохи Плантагенетов, не удивятся, обнаружив, что это повествовательная история. Она рассказывает о тамплиерах со времен основания и до роспуска ордена, исследуя, как он менялся, как распространялся по Ближнему Востоку и Европе и какую роль сыграл в средневековых войнах между христианами и мусульманами. Я снабдил свой текст подробными примечаниями и библиографией, указав читателям на широкий ряд источников и академических исследований, но при этом постарался написать книгу не только познавательную, но и увлекательную.

Чтобы провести читателей через два столетия, отделяющие ничем не примечательное основание ордена от его гибели, я разделил книгу на четыре части. Первая, «Пилигримы», описывает появление тамплиеров в начале XII века, когда французский рыцарь Гуго де Пейн (или Пейен) и восемь его товарищей, искавшие свое место в Иерусалиме в бурные времена после Первого крестового похода, учредили орден рыцарей Христа. Первоначально они ставили своей целью защиту паломников с Запада, идущих по следам Господа опасными дорогами Святой земли. Прежде тамплиеров, около 1080 года, желающие заботиться о больных и раненых паломниках создали в Иерусалиме христианскую организацию «Госпиталь Святого Иоанна» – и их стали называть госпитальерами. Получив одобрение от христианского короля Иерусалима и папское благословение из Рима, орден тамплиеров быстро обрел законный статус и начал расширяться. Храмовники разместились в Святом городе в мечети Аль-Акса на Храмовой горе (которую мусульмане называют Харам аш-Шариф), послали эмиссаров в Европу, чтобы призвать в свои ряды новых членов и получить финансовую поддержку, и начали искать покровителей. Их духовным лидером стал Бернارد Клервоский, который помог разработать устав ордена, а среди первых приверженцев были прославленные крестоносцы, такие как основатель династии Плантагенетов Фульк, граф Анжуйский, сделавшийся – не без помощи там-

плиеров – королем Иерусалима. Прошло всего-то два десятилетия, и на месте девяти нищих рыцарей, искавших смысл жизни, оказалась масштабная организация с четкими целями, обладающая всеми возможностями для их достижения.

Вторая часть этой книги, «Воины», показывает, как из охраны пилигримов тамплиеры превратились в элитное боевое подразделение, сражавшееся в войнах, которые вели крестоносцы. В ней описывается решающая роль тамплиеров во Втором крестовом походе, когда они провели не горстку паломников, а целую армию через горы Малой Азии в Святую землю, помогли деньгами разорившемуся королю Франции, возглавлявшему войско, а затем бились в первых его рядах, когда христиане пытались взять Дамаск, один из величайших городов исламского мира. С этого момента тамплиеры стали играть видную роль в политической и военной истории христианских государств на Востоке (Иерусалимского королевства, графства Триполи и Антиохийского княжества). Во второй части рассказывается, как они построили сеть крепостей, разработали военные руководства и накопили организационный опыт, необходимый для выполнения их задач. Кроме того, в ней описаны некоторые из выдающихся героев крестовых походов: благочестивый, но невезучий король Франции Людовик VII; гибельно высокомерный великий магистр ордена тамплиеров Жерар де Ридфор, ставший одним из тех, кто повел за собой Христово воинство в трагическом сражении при Хаттине в 1187 году; прокаженный король Иерусалима Балдуин IV; и самый известный из когда-либо живших мусульманских султанов Саладин, который поставил своей целью стереть крестоносцев с лица земли и лично командовал казнью сотен рыцарей-тамплиеров.

Третья часть называется «Банкиры», и в ней рассказано, как из солдат крестовых походов, существовавших за счет пожертвований с Запада, орден Храма превратился в организацию, не только обладающую боевой мощью, но и владеющую обширной земельной собственностью по всему христианскому миру, благодаря чему ей удавалось поддерживать связи между Востоком и Западом в то время, когда воинственный пыл в Европе начал угасать.

Почти полностью уничтоженные Саладином как ратная сила, в 1190-х годах тамплиеры возродились благодаря прославленному королю Англии Ричарду Львиное Сердце. Его вера в тамплиеров и опора на великих магистров определили направление деятельности ордена в XIII веке. Под покровительством короля, примеру которого вскоре последовала знать и городские власти, тамплиеры расширили свои земельные владения, обзавелись новым, движимым и недвижимым, имуществом и получили значительные налоговые льготы. Они стали невероятно богаты и искушены в финансовых делах, и со временем папы и короли начали доверять им управление казной и охрану сокровищ, обращаться к ним за организацией военных походов и финансовой помощью в трудные времена. В то же время тамплиеры по-прежнему активно участвовали в войнах против ислама. Два штурма расположенного в устье Нила египетского города Дамьетта были организованы при финансовом содействии тамплиеров. Оба завершились провалом, и рыцари ордена вынуждены были отчаянно сражаться с мусульманским войском в топлях разлившегося Нила. На собственном опыте тамплиеры убедились в том, что сбор средств и организация похода – это одно, а длительная военная кампания в чужом незнакомом краю против врага, гораздо лучше знающего местные условия, – совсем другое.

Также в третьей части показано, как ответственность за обеспечение безопасности христианских государств на Востоке все больше ложилась на плечи тамплиеров, и, взяв на себя эту миссию, они сталкивались с самыми крупными государственными деятелями того времени. В лице короля Франции Людовика IX Святого тамплиеры нашли союзника, а Фридрих II Гогенштауфен, харизматичный и свободолюбивый император Священной Римской империи, провозгласив себя королем Иерусалима, незамедлительно начал войну против людей, которые были призваны защищать королевство. В этот период тамплиерам пришлось соперничать с Тевтонским орденом, которому покровительствовал Фридрих, одним из многих военных орденов, созданных одновременно с тамплиерами (а иногда и в подражание им). Тут стоит

упомануть орден Святого Лазаря, заботившийся о паломниках, заболевших проказой; ордены Калатравы, Сантьяго и Алькантара, основанные в испанских королевствах; ливонский Орден братьев меча, объявивший войну язычникам на Балтике, и госпитальеров – с ними тамплиеры с самого начала жили бок о бок и с ними же шли вместе в бой в величайших своих сражениях. Возросшее значение военных орденов и то, что их становилось все больше, обостряло конфликты между ними, и тамплиеры оказались втянуты в войны итальянских купцов и противостояние баронов Святой земли. В конечном счете это подорвало политические основы христианских государств на Востоке, и когда в 1260-е годы над ними нависла новая угроза, ни тамплиеры, ни кто другой не смогли противостоять ей.

Четвертая часть называется «Еретики», и в ней прослеживается связь между уничтожением ордена тамплиеров и событиями 1260-х годов, когда братство столкнулось с двумя самыми опасными за всю историю христианских государств Святой земли противниками: монголами под предводительством потомков Чингисхана и мамлюками – мусульманскими воинами-рабами. Поражение, которое христиане потерпели от мамлюков, породило мощную волну критики тамплиеров, и их богатство и та роль, которую они играли в войнах против ислама, лишь усиливали негативное отношение к ним.

Эта враждебность все возрастала, что сделало возможным открытым политический выпад против тамплиеров. Он последовал со стороны благочестивого, но не слишком разборчивого в средствах короля Франции Филиппа IV – и его нападение было внезапным и жестоким. В пятницу 13 октября 1307 года по приказу короля были схвачены все французские тамплиеры, и это положило начало широкомасштабной кампании по ликвидации ордена и присвоению его имущества. В то время как папа Климент V то сопротивлялся, то поддерживал Филиппа IV, король и его советники превратили захват богатств тамплиеров в тотальную войну против ордена по всему христианскому миру. Методы, которые они применяли, уже были опробованы на евреях, проживавших на территории Франции. Несмотря на то что традиционно именно во Франции тамплиеры получали наибольшую поддержку, Филипп, казалось, поставил своей целью замучить и уничтожить братьев ордена, и одной из его жертв стал последний великий магистр тамплиеров Жак де Моле. В 1314 году в Париже он принял смерть на костре. Умирая, магистр пообещал, что Бог отомстит за гибель ордена.

Желание Филиппа разделаться с рыцарями Храма, устраивая судебные процессы над ними и уничтожая их физически, нисколько не было связано с деятельностью ордена ни на Востоке, где шла война с исламом, ни во Франции, где тамплиеры по большей части вели жизнь монахов. За действиями короля стояла политическая необходимость и его личная жестокость, но он нанес удар по ордену в тот момент, когда тот был наиболее уязвим и когда общественный интерес к крестовым походам если не угас совсем, то значительно ослаб. Кончина Жака де Моле знаменовала смерть ордена, который за два столетия до того был основан в Иерусалиме, и стала началом легенды. В эпилоге книги рассказывается, как тамплиеры вошли в массовое сознание и культуру, как орден был романтизирован и даже возрожден.

Один выдающийся ученый заметил, что повествование об истории тамплиеров «вводит в заблуждение, поскольку подразумевает, что орден пережил подъем и упадок, что критическое отношение к нему неуклонно усиливалось и что некие события предопределили другие, более поздние»¹. Это так и не так. Безусловно, было бы неразумно пытаться втиснуть в хронологические рамки всеобъемлющий рассказ о двухсотлетней активной деятельности ордена в Иерусалимском королевстве, на Пиренейском полуострове, во Франции, Англии, Италии, Польше, Германии, Венгрии, на Кипре и во многих других местах. Опыт тысяч людей, имевших отношение к ордену, не может быть полностью отражен в последовательном изложении основных событий его существования. Тем не менее история Ордена бедных рыцарей Храма имеет свое

¹ Nicholson, H., *The Knights Templar: A New History* (Stroud: 2001), 1.

начало, протяженность и конец, и на этом временном отрезке происходили крестовые походы, войны и сменилось несколько поколений. Тематический подход в данном случае заставил бы отклоняться в сторону и более того – был бы утомителен. Мой выбор – традиционное повествование – не предполагает нравоучительной истории о движении от незапятнанной репутации к разложению, гордыне и краху, что свойственно долгой традиции описания тамплиеров, уходящей корнями по крайней мере в XVII век². Мне кажется, что их историю стоит рассказывать в хронологической последовательности, просто чтобы удовлетворить читателей, которые такую последовательность любят. Надеюсь, что при этом мне удалось не скатиться в телеологию и не представить в ложном свете все происходившее с людьми, которые жили, воевали и умирали с алым крестом на груди. Я также надеюсь, что эта книга побудит читателей обратиться к обширной научной литературе, посвященной военным орденам в целом и тамплиерам в частности. Среди авторов, которых я рекомендую: Малколм Барбер, Хелен Николсон, Алан Фори, Иоахим Бургторф, Ален Демурже, Джонатан Райли-Смит, Джуди Аптон-Уард, Энтони Латтрел, Джонатан Филлипс, Норман Хаусли, Йохен Шенк, Пол Кроуфорд, Питер Эдбери, Энн Гилмор-Брайсон и многие другие. Я глубоко благодарен им, потому что на их труды я опирался в своей работе.

Идя в бой под своим черно-белым знаменем, тамплиеры иногда пели псалом, который должен был придать им сил и мужества. Мне представляется уместным, начиная нашу историю, процитировать эти строки:

Не нам, Господи, не нам,
но имени Твоему дай славу
ради милости Твоей,
ради истины Твоей.
Наслаждайтесь путешествием.

² Взвешенное краткое изложение см.: Barber, M., *The New Knighthood: A History of the Order of the Temple* (Cambridge: 1994), 315–18.

Часть I. Пилигримы, ок. 1102–1144

Сражайтесь, я заклинаю вас, ради спасения ваших душ!
БАЛДУИН I, КОРОЛЬ ИЕРУСАЛИМА

1

«Золотая чаша, полная скорпионов»

Когда пилигримы вышли из церкви, в Яффе стояло ненастное осеннее утро. Их сразу же затянуло в толпу людей, бежавших к морю, откуда неслась грозная какофония: треск ломающейся древесины и едва слышные за ревом ветра и волн вопли перепуганных мужчин и женщин, борющихся за свои жизни. Сильный шторм начался еще вчера и бушевал всю ночь. Водяные валы высотой с гору с силой швыряли корабли, пришвартованные у крутого берега Яффы. Даже самые большие и прочные суда срывало с якорей, бросало на прибрежные скалы и выносило на песчаный берег, и так продолжалось до тех пор, пока, по словам одного из наблюдателей, все не было «разнесено бурей вдребезги»³.

Толпа на берегу беспомощно наблюдала, как моряков и пассажиров смывает с палуб. Некоторые пытались держаться на плаву, хватаясь за обломки мачт и рей, но большинство были обречены. «Иные, ухватившись за обломки собственного корабля, ими же были убиты, – писал наблюдатель. – Некоторые, умея плавать, сами бросались в море, и многие из них погибли»⁴⁵. Волны выносили на берег тела. Людей утонуло больше тысячи, а из тридцати кораблей уцелело всего семь. «Никто не видел большего несчастья в один день», – писал паломник. Был понедельник 13 октября 1102 года.

Пилигрима, которому мы обязаны этим описанием, звали Зевульф, и был он англичанином⁶. До Святой земли Зевульф добирался несколько месяцев, сев на корабль в Монополи, что на побережье Апулии (пятка «сапога» в современной Италии), 13 июля, в *Hora aegyptica* – несчастный час. Со времен фараонов люди верили, что эти рассчитанные астрологами часы не годятся для начала выполнения важных дел⁷. Так и оказалось: паломник пережил кораблекрушение на пути в Восточное Средиземноморье, но, по счастью, уцелел. Его путь пролегал через Корфу, Кефалонию и Коринф, затем по суше через Фивы к Эгейскому морю, затем снова по воде на юго-восток через Кикладские острова и архипелаг Додеканес на Родос. Еще через несколько дней он очутился в кипрском порту Пафос, откуда ровно через тринадцать недель, преодолев 3220 километров, наконец прибыл в Яффу, главный порт христианского Иерусалимского королевства. На берег Зевульф сошел всего за несколько часов до начала смертоносного шторма.

³ Brownlow (trans.), *Saewulf (1102, 1103AD)* (London: 1892) 7. Альтернативный перевод воспоминаний Зевульфа на английский язык см.: Wilkinson, J. et al (eds.), *Jerusalem Pilgrimage 1099–1185* (London: 1988), 94–116. Перевод на русский язык см. в издании: Житие и хоженье Даниила, русския земли игумена 1106–1108 гг. Ч. 2. Приложение V. Путешествие Зевульфа в Святую Землю 1102–1103 гг. // Православный палестинский сборник. Вып. 9. СПб., 1885.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Здесь и далее цит. по пер. П. Безобразова, 1885 г. – *Прим. пер.*

⁶ В своем написанном на латыни рассказе о путешествии в Святую землю Зевульф не упоминает, где родился, и мы не знаем о нем почти ничего, кроме того, что описано в его дневнике паломника. Но есть основания предполагать, что родом Зевульф был из Англии: он опирался на труды нортумбрийца святого Беды Достопочтенного, а одна средневековая копия его рассказа попала в библиотеку Мэттью Паркера, который в XVI веке был архиепископом Кентерберийским.

⁷ Там же. С. 31 и «Введение».

Несмотря на лишения и опасности морского путешествия, пилигрим успел повидать по пути на Восток немало интересного. Он и его попутчики каждые несколько дней сходили на берег и просили приюта у островитян, которых он в своих записках называл греками. Во время этих остановок Зевульф побывал в шелковых мастерских Андроса и на том месте, где когда-то стоял Колосс Родосский. Осмотрел древний город Мира, славившийся великолепным зданием театра, и Финике – продуваемый всеми ветрами торговый порт, который финикийцы построили в месте, называемом «шестьдесят ударов веслами», а наименование это было дано по причине беспокойства местных вод. Молился у гробницы святого Николая и по стопам святого Петра прошел по Кипру. Но основная цель его путешествия была впереди.

Когда буря закончилась, он направился на юго-восток, в самый главный город на земле: в Иерусалим, где намеревался помолиться у гроба Иисуса Христа, Сына Божия и Спасителя всего человечества. Для Зевульфа, христианина, который смиренно называл себя «недостойным и греховным», паломничество в Иерусалим было искупительным путешествием в центр мира⁸. Бог сказал ветхозаветному пророку Иезекиилю, что Он поставил Иерусалим «среди народов», и это воспринималось как нечто большее, чем фигура речи⁹. На европейских картах того времени Святой город изображался в центре, а вокруг него располагались все королевства, и христианские, и языческие¹⁰. Этот географический факт также был фактом космологии. Иерусалим был местом, где небесное делалось явным и где сила молитвы возрастала благодаря близости мощей и святых мест. Последние можно было не просто увидеть, но также и почувствовать – все, что описывалось в библейских историях от деяний ветхозаветных царей до земной жизни Спасителя и Страстей Христовых. Направляясь в Иерусалим из Яффы, Зевульф должен был войти в город через ворота Давида, укрепленный портал, ведущий сквозь мощные оборонительные стены цитадели, возведенной на остатках крепости, которую построил когда-то Ирод – царь, приказавший, согласно библейскому рассказу, умертвить всех маленьких детей в Вифлееме ради того, чтобы избавиться от младенца Христа. Идя по городу, Зевульф мог увидеть Храмовую гору, возвышавшуюся над юго-восточной частью города и увенчанную сверкающим Куполом Скалы, который христиане называли Храмом Господним. Рядом находилась мечеть Аль-Акса, широкое низкое прямоугольное здание, увенчанное куполом. Построенное в VII веке, теперь оно стало дворцом христианского короля Иерусалима Балдуина I, богатого дворянина из Булони.

За Храмовой горой, по другую сторону восточной стены Иерусалима, находилось кладбище, а за ним – Гефсиманский сад, где Иисус молился со своими учениками и где его схватили в ту ночь, когда Иуда совершил предательство. Далее была Масличная гора, где Иисус проповедовал и где вознесся на небеса. Зевульф записал в своем дневнике, что он взошел на Масличную гору и глядел с нее на Иерусалим, высматривая, как его границы и очертания городских стен изменились при римлянах.

Самое священное место, куда больше всего стремились христианские паломники, находилось в пределах Иерусалима. Это был храм Гроба Господня, о котором Зевульф написал: «Та церковь знаменитее всех других церквей; и по справедливости она достойна такой славы, ибо все то, что предсказали Святые пророки всему миру и что они заранее написали о Спасителе нашем Иисусе Христе, все это там действительно сбылось»¹¹. Это был двухуровневый комплекс соединенных друг с другом церквей и подворий, отмечавших, где разворачивались главные события Страстей Христовых. Зевульф перечисляет увиденное: темница, в которую

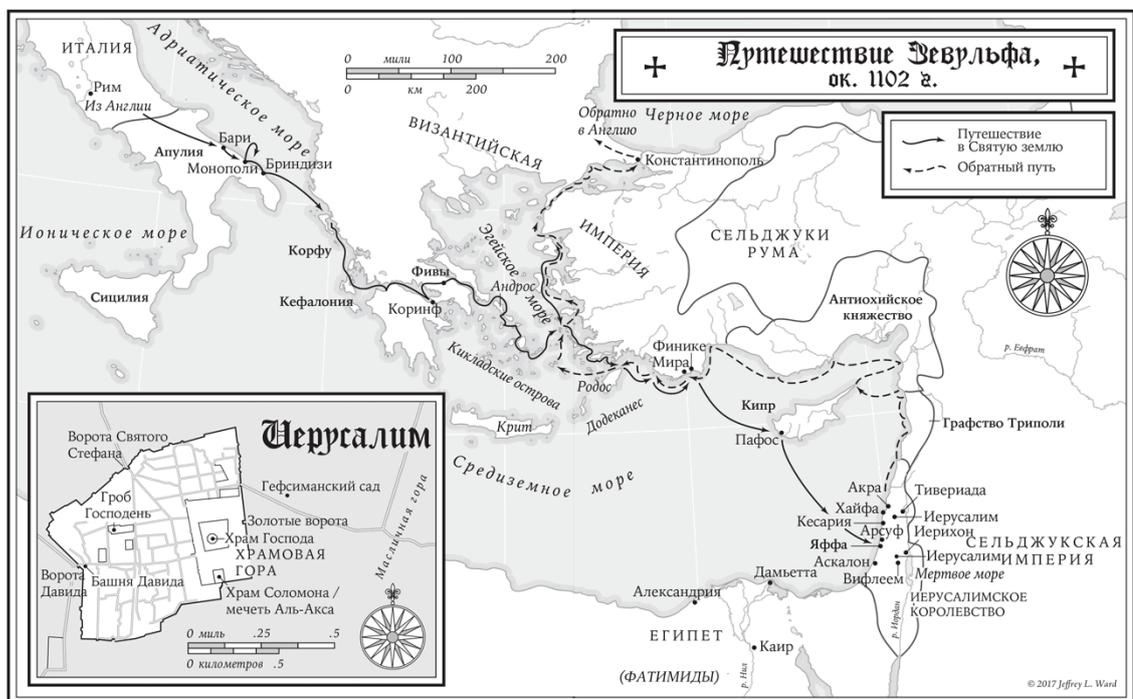
⁸ Там же. С. 31.

⁹ Книга пророка Иезекииля 5:5.

¹⁰ Ярким примером тому может служить «Маппа Мунди» – карта, хранящаяся в кафедральном соборе Херефорда в Англии. Она была создана ок. 1300 года, но в полной мере отражает средневековые представления, бытовавшие во времена Зевульфа. Прибывшим в город сообщалось, что «центр мира» находится «в тринадцати футах к западу от Голгофы».

¹¹ Wilkinson et al., Jerusalem Pilgrimage 1099–1185, 101.

был заключен Иисус; место, где была найдена часть Святого креста; столб, к которому был привязан Господь, когда римские солдаты хлестали его бичами; двор, где «воины надели на него багряницу и возложили на голову терновый венец»; лобное место, где «патриарх Авраам, соорудив алтарь, хотел по приказанию Божию принести в жертву сына своего [Исаака]» и где был распят Христос – здесь Зевульф осмотрел яму, в которой был укреплен крест, и скалу, расколовшуюся, как было описано в Евангелии от Матфея¹². Там же были церкви Марии Магдалины и Иоанна Богослова, Девы Марии и Святого Иакова. Однако самой главной и впечатляющей святыней считалась огромная ротонда в западной части храма, ибо здесь находился Гроб Господень – могила Христа. Тут, в пещере, Иисус был погребен после распятия и пребывал до своего воскресения. Гробница была окружена постоянно горящими масляными лампами и вымощена плитами из мрамора: тихое место для благоговейной молитвы¹³. Нигде на свете и никогда в истории не было для христиан ничего более священного. В первых строках своего дневника Зевульф написал: «Я отправился в Иерусалим поклониться Гробу Господню». Посто-ять перед Гробом означало прикоснуться к истокам веры, и пилигримы, такие как Зевульф, готовы были рисковать жизнью, чтобы попасть туда.

К началу XII века паломничество было важнейшей частью христианской культуры, и так продолжалось уже почти тысячу лет. Люди преодолевали огромные расстояния, чтобы поклониться святыням и увидеть места, где свершались подвиги веры. Они делали это для спасения: иногда – чтобы Господь избавил их от болезней, иногда – чтобы искупить грехи. Некоторые считали, что молитва в месте, связанном с кем-либо из святых людей, обеспечит покровительство этого святого при вхождении в загробную жизнь. И все верили, что Бог любит паломников и что мужчина или женщина, отважившиеся смиренно и с верой в сердце отправиться к центру мира, заслужат Его благословение.

¹² Там же. С. 102.

¹³ Согласно рассказу Даниила Паломника, русского пилигрима, который написал подробный отчет о своей поездке в Иерусалим через пару лет после Зевульфа (Jerusalem Pilgrimage 1099–1185). На русском языке – Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли. https://azbyka.ru/otechnik/Istoriija_Tserkvi/zhitie-i-hozhdenie-igumena-daniila-iz-russkoj-zemli/#0_3.

Но опасное путешествие Зевульфа было не только благочестивым, но и очень своевременным. Хотя христиане стали отправляться в паломничество в Иерусалим по крайней мере с IV века, никогда прежде он не был для них мирным местом. Большую часть предыдущих 700 лет город и его окрестности находились под властью римских императоров, персидских шахов, халифов из династии Омейядов и сельджукских правителей, называвших себя беями (или эмирами). Начиная с VII века, когда арабы отвоевали город у византийских христианских правителей, и до конца XI столетия Иерусалим был в руках мусульман. Для приверженцев ислама это был третий по значимости священный город после Мекки и Медины. Мусульмане почитают его как место, где находится Эль-Масджид аль-Акса (Отдаленная мечеть), куда, согласно Корану, пророк Мухаммед был перенесен ангелом Джабраилом из Мекки во время «ночного путешествия», после чего они вместе вознеслись с Храмовой горы на небеса¹⁴.

Однако буквально за три года до путешествия Зевульфа ситуация изменилась. В самом городе и во всем прибрежном регионе Палестины и Сирии произошли огромные перемены, сказавшиеся на паломниках с Запада. В результате ожесточенной войны, длившейся с 1096 по 1099 год, большая часть Святой земли была завоевана армиями крестоносцев. Впоследствии эти события станут называть Первым крестовым походом.

Несколько больших экспедиций воинов-паломников отправились из Западной Европы в Святую землю (иногда ее называли просто *outrе-mer* (фр.) – «землей за морем»). В христианских текстах их именовали «латинянами» или «франками», и последнее название позаимствовали мусульманские авторы, которые стали обозначать их как «ифранджи»¹⁵. Откликнувшись на просьбу византийского императора Алексея Комнина о военной помощи, подкрепленную пламенным призывом папы Урбана II, эти люди прибыли сначала в Константинополь, а оттуда на Левантийское побережье, чтобы сражаться там с мусульманами. Урбан пообещал тем, кто отправится в крестовый поход, отпущение всех грехов. Поначалу эти вооруженные паломники были не более чем недисциплинированной, воинственно настроенной толпой, ведомой подстрекателями, такими как французский монах Петр Пустынник, который сумел воодушевить людей своей неистовой набожностью, но не мог ни подготовить их должным образом, ни остановить насилие, которым сопровождался поход. Последующие волны крестоносцев возглавили дворяне из Франции, Нормандии, Англии, Фландрии, Баварии, Ломбардии и Сицилии. Ими руководило праведное чувство, что их христианский долг – освободить святые места от мусульманских захватчиков, и обнадеживало то, что Иерусалим и прилегающие территории были поделены между многочисленными соперничающими правителями исламского мира.

Последних раздирали политические противоречия, династические споры и религиозная вражда. С одной стороны находились сельджуки, пришедшие из Центральной Азии и создавшие империю, которая простиралась от Малой Азии до Гиндукуша. Они были носителями смешанной тюркско-персидской культуры и хранили верность халифу из багдадской династии Аббасидов, духовному лидеру мусульман-суннитов. На протяжении 20 лет до 1092 года империей сельджуков правил султан Мелик-шах I, но после его смерти страну поделили между собой четыре его сына, которые начали бороться друг с другом за власть. С другой стороны против сельджуков выступал Фатимидский халифат с центром в Египте, правители которого утверждали, что их династия происходит от дочери Мухаммеда Фатимы. С середины X века Фатимиды правили большей частью Северной Африки, Сирией, Палестиной, Хиджазом и даже

¹⁴ Коран 17:1. «Пречист Тот, Кто перенес ночью Своего раба, чтобы показать ему некоторые из Наших знамений, из Заповедной мечети [т. е. из Мекки] в мечеть Аль-Акса [т. е. в Иерусалим], окрестностям которой Мы даровали благословение. Воистину, Он – Слышащий, Видящий».

¹⁵ Этот термин использовал, например, дамаский ученый Али Ибн Тахир ас-Сулами в своей книге «Китаб аль-джихад» («Книга джихада»). См.: Hillenbrand, C., *The Crusades: Islamic Perspectives* (Edinburgh: 1999), 71. Выдержки из «Китаб аль-джихад» можно найти в переводе на французский язык в: Sivan, E., 'La genèse de la contre-Croisade: un traité damasquin du début du XIIe siècle', *Journal asiatique*, 254 (1966). В переводе на английский см.: <http://www.arts.cornell.edu/prh3/447/texts/Sulami.html>.

Сицилией и хранили верность шиитскому халифу в Каире. В конце XI века империя Фатимидов тоже распалась, утратив и территории, и влияние, и вернулась в границы Египта. Конфессиональное и политическое соперничество между сельджуками и Фатимидами, а также борьба за власть внутри империи сельджуков привели к сильнейшей разобщенности в исламском мире. Как писал один из мусульманских авторов того времени, все правители были «не в ладах друг с другом»¹⁶.

Все это способствовало тому, что воины Первого крестового похода одержали ряд блестящих побед. Иерусалим пал 15 июля 1099 года, и его захват сопровождался позорным разграблением и массовыми убийствами мирных жителей – евреев и мусульман. На улицах города лежали груды обезглавленных тел, у многих были вспороты животы – так христианские завоеватели доставали золотые монеты, которые их жертвы проглотили в попытке сокрыть свое добро от мародеров¹⁷. Греческих православных священников пытали до тех пор, пока они не выдали, где находятся их важнейшие святыни, в числе коих была часть деревянного креста, на котором умер Спаситель. Крест Господень хранился в красивом золотом реликварии, сделанном в форме распятия.

Крестоносцы взяли такие значимые, расположенные севернее города, как Эдесса и Антиохия, а также ряд менее крупных городов, и в их числе Александретту, Вифлеем, Хайфу, Тивериаду и Яффу – стратегически важный порт. Остальные прибрежные города – Арсуф, Акра, Кесария и Аскалон – остались в руках мусульман, но согласились заплатить выкуп, чтобы их оставили в покое, и позже были завоеваны в ходе следующих крестовых походов. На побережье Средиземного моря возникли новые христианские государства: Эдесское графство и Антиохийское княжество, расположенные на севере, на юге граничили с графством Триполи и Иерусалимским королевством, которое теоретически претендовало на феодальное господство над всем регионом – хотя последнее не было жестко закреплено.

С учетом трудностей с доставкой войска, значительного расстояния от дома и изматывающего характера боевых действий в столь неблагоприятном климате добиться полного господства христиан на этих землях не удалось. Ко времени паломничества Зевульфа в Иерусалим войска, корабли и служители Церкви, прибывавшие с Запада, помогли расширить территории, подчиненные правлению первого иерусалимского короля-крестоносца Балдуина I. Но эти земли были не так уж обширны, и им угрожали многочисленные внешние враги и внутренние разногласия среди крестоносцев, которые были родом из разных стран Запада и потому соперничали друг с другом.

Таким образом, летом 1102 года Зевульф оказался в новом, маленьком, периодически осаждаемом, но христианском королевстве на Востоке, само существование которого подвижники, его создавшие, считали доказательством Божьего благословения и милосердия. Мусульмане же, изгнанные из этих земель, естественно, думали иначе. Они считали своих новых соседей порождением «времени бедствий», наступившего по воле «врагов Бога»¹⁸.

* * *

В следующие полгода Зевульф изучил каждый сантиметр Святого города и его окрестностей, сравнивая увиденное с тем, что он читал в Библии и в описаниях Иерусалима, включая составленное в VIII веке английским монахом и богословом Бедой Достопочтенным. Зевульф

¹⁶ Richards, D. S. (ed.), *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l Ta'rikh I* (Aldershot: 2006), 22.

¹⁷ Согласно Фульхерию Шартрскому. Peters, E. (ed.), *The First Crusade: The Chronicle of Fulcher of Chartres and Other Source Materials* (Philadelphia: 1971), 77.

¹⁸ Письмо Готфрида Бульонского и других, адресованное папе, от сентября 1099 года см. в: Peters (ed.), *Chronicle of Fulcher of Chartres and Other Source Materials*, 234; Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives*; Jirkimish, the Seljuq lord of Mosul; цит. по: Cobb, P. M., *The Race For Paradise: An Islamic History of the Crusades* (Oxford: 2014), 107.

восторгался храмом Господним и храмом Гроба Господня, Масличной горой и Гефсиманским садом. Он сходил в монастырь Святого Креста, где посетители могли увидеть пень дерева, из которого изготовили крест Иисуса, под мраморным алтарем с маленьким смотровым окошком. Увиденное потрясло Зевульфа. О храме Господнем он написал, что тот «возвышался над всеми соседними горами и превосходил все сооружения и здания великолепием и славою»¹⁹. Его восхищали красоты города и мощные оборонительные стены. Во всем, что он видел, оживало Святое Писание: вот место, где Петр исцелил хромого, а вот ворота, через которые Иисус въехал в Иерусалим «сидя на осле ... в то время как мальчики восклицали: “Осанна сыну Давидову!”»²⁰ Однако же паломнические дороги вокруг Иерусалима Зевульф нашел внушающими страх. Особенно труден был путь из Яффы: долгое утомительное путешествие по «гористой, очень крутой и опасной дороге»²¹. Нестабильность королевства крестоносцев ощущалась повсюду. Отряды мусульман – Зевульф называл их сарацинами – рыскали по окрестностям, прячась в горных пещерах и преследуя пилигримов, «бодрствуя днем и ночью, постоянно сторожа, нельзя ли напасть на кого-нибудь». Время от времени Зевульф и его спутники видели мелькающие впереди и позади фигуры, угрожающие издали и затем исчезающие из виду. Пилигримы шли в страхе, понимая, что отставшего от спутников постигнет злая участь.

Повсюду лежали разлагающиеся на жаре трупы. Одни прямо на дороге, другие по сторонам от нее, многие «совершенно растерзанные дикими зверями» (в горах Палестины водились лисы, шакалы и леопарды). Эти христиане были брошены своими попутчиками без всякой попытки достойно похоронить их, ибо сделать это в ссохшейся от солнца и зноя земле было бы невозможно. «Там совсем нет земли, а раскопать скалу нелегко, – писал Зевульф. – Но даже если бы там была земля, кто был бы так глуп, что покинул бы своих спутников и стал один рыть могилу товарищу. Если бы кто сделал это, то приготовил бы могилу скорее себе, чем товарищу»²².

В десяти километрах к югу от Иерусалима путников ждал Вифлеем, «весь разоренный», за исключением большого монастыря Блаженной Девы Марии. Там сохранилось «стойло, где стояли вол и осел» во время рождения Иисуса и мраморный стол, за которым Дева Мария предположительно трапезничала с волхвами²³. Далее на юг лежал Хеврон, который также был «опустошен сарацинами», а примечателен тем, что там были упокоены «святые праотцы Авраам, Исаак и Иаков», а также «первосозданный Адам»²⁴. На востоке Зевульф увидел Мертвое море, в котором «вода Иордана белее всякой другой воды и всего более похожа на молоко, поэтому его течение видно в Мертвом море на большом расстоянии»²⁵. На севере, в трех днях пути, он посетил Назарет, Галилею и Тивериаду, где Иисус творил чудеса и насытил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами.

Такое обилие святых мест глубоко впечатляло, и Зевульф подробно описал свои ощущения, припомнив даже «запах бальзама и драгоценнейших ароматов», который наполняет ноздри при посещении особенно известных гробниц²⁶. Тем не менее он постоянно осознавал, что его благочестивое путешествие свершается по землям иноверцев. Церкви и города, в которых он бывал, лежали в руинах. В монастырях оплакивали братьев, убитых за веру. Трагические события прошлого и настоящего переплетались. Церковь на том месте, где в древние вре-

¹⁹ Wilkinson et al., Jerusalem Pilgrimage 1099–1185, 104.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Там же. С. 100. Даниил Паломник также описывает путь из Яффы в Иерусалим как «тяжелый и очень страшный». Там же. С. 126.

²² Там же. С. 100–1.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 110.

²⁵ Там же. С. 112.

²⁶ Там же. С. 110.

мена святой Петр оплакивал свое отречение от Господа, в последнее время опустела из страха перед «язычниками», жившими по другую сторону реки Иордан, где «расположена страна арабов, враждебная христианам и злейший враг всем почитающим Бога»²⁷.

К концу весны 1103 года Зевульф добрался так далеко, как только мог, и счел свою паломническую миссию выполненной. «Я посетил по возможности отдельные Святыни города Иерусалима и его ближайших окрестностей и поклонился им», – записал он. Вернувшись в Яффу, он сел на торговый корабль, направлявшийся на запад. Но и здесь пилигрим все еще не был в безопасности. На пути к Кипру можно было встретить вражеские египетские корабли: Фатимиды правили многими прибрежными городами, и их флот постоянно находился в открытом море, когда нужно беспрепятственно пополняя запасы воды и продовольствия. Поэтому, опасаясь нападения египтян, ни один христианский корабль не решался уходить далеко от земли, и все они шли в видимости суши.

17 мая Зевульф взошел на борт одного из трех больших судов, называемых дромонами, которые вместе шли на север, держась недалеко от берега, делая остановки в дружественных портах и проходя мимо недружественных так быстро, как только могли позволить гребцы и ветер.

Через 120 километров путешествия, когда дромоны приближались к Акре, впереди показались двадцать шесть арабских боевых кораблей. Это были суда Фатимидов, что вызвало на дромонах панику. Зевульф наблюдал, как два других дромона со всей возможной скоростью двинулись на веслах в христианский город Кесарию, оставив его судно в одиночестве. Неприятель окружил корабль, держась на расстоянии выстрела из арбалета и радуясь такой добыче. Пилигримы вооружились и заняли оборонительные позиции на палубе. «Наши же, – писал Зевульф, – были готовы умереть за Христа»²⁸.

По счастью, увидев эту готовность к обороне, предводитель арабов не стал спешить с нападением. После часа напряженных раздумий он решил, что сможет найти более легкую цель для нападения, и арабские корабли ушли в открытое море. Зевульф и его спутники возблагодарили Господа и отправились далее. Через восемь дней они достигли Кипра, затем направились к берегам Малой Азии и продолжили идти по тому же маршруту, по которому Зевульф плыл в Святую землю. В конце концов они двинулись через Дарданеллы на север, в сторону великого города Константинополя, также богатого святынями. На протяжении всего пути их преследовали пираты и терзали шторма. Позже, дома, в безопасности, вспоминая это путешествие всей своей жизни, Зевульф благодарил Господа, только по милости которого он смог уцелеть.

* * *

Зевульф был лишь одним из тысяч паломников, отправившихся в Святую землю после Первого крестового похода. Они прибывали со всех концов христианского мира: сохранились свидетельства о путешествии в христианское Иерусалимское королевство в первые десятилетия его существования, оставленные пилигримами из Португалии, Фландрии, Германии, Руси и даже Исландии. А поскольку война на Святой земле продолжалась, многие находили ее пугающим местом. Хронист Фульхерий Шартрский в 1101 году писал, что паломники, собравшиеся в Иерусалим, продвигались «с опаскою... среди враждебных пиратов, мимо сарацинских портов, и лишь Господь указывал им путь»²⁹. Русский автор Даниил Паломник совершил «хождение» из Киева примерно в 1106–1108 годах. Он также писал о страшной дороге от

²⁷ Там же. С. 109.

²⁸ Там же. С. 112–13.

²⁹ Ryan, F. R. (trans.) and Fink, H. S. (ed.), Fulcher of Chartres: A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127 (Knoxville: 1969), 149.

Яффы до Иерусалима, где «выходят сарацины и избивают странников», и жаловался на то, как много святых мест разрушено язычниками. По дороге к Тивериадскому озеру он прятался от «сильных сарацинов поганы», которые «разбойничают на тех реках, на бродах», и отмечал, что «много львов в месте том». Пробираясь по узкой тропе от горы Фавор к Назарету, Даниил молился за свою жизнь, поскольку был предупрежден, что местные жители «убивают, выходя из сел тех, на той страшной горе»³⁰. По счастью, он уцелел и вернулся в Киев, привезя с собой реликвию, данную ему тайно ключником, – небольшой осколок камня от гроба Господня.

Во все времена паломники опасались в пути разбойников. Но мусульмане, проживавшие в новых христианских государствах и вокруг них, были не просто грабителями. Огромные потери, которые они понесли со времени появления франков в 1096 году, были восприняты ими как проявление гнева, который Бог обрушил на них за разногласия в исламском мире, и как его призыв ко всем верующим встать с оружием в руках на борьбу против захватчиков. «Армии, огромные, как горы, приходят одна за другой из земель франков, – писал до 1109 года сирийский поэт Ибн аль-Хайят. – Головы многобожников уже созрели, так спешите собрать урожай!»³¹ Другие авторы, в частности мудрый и дальновидный Али ибн Тахир ас-Сулами, призывали весь мусульманский мир – турок и арабов, суннитов и шиитов – объединить усилия и вместе вести джихад, священную войну, чтобы добиться «возвращения того, что [франки] отобрали у мусульман»³².

Но серьезный отпор, на который надеялся ас-Сулами, так и не был дан – по крайней мере в первые годы после создания христианских королевств. Разногласия среди мусульманских правителей продолжались, что делало невозможным серьезное, долгосрочное и эффективное сопротивление. Франкам удалось закрепиться в Иерусалиме и утвердить там свою власть. Но те христиане, которые рисковали всем, что имели, даже самой своей жизнью, отправляясь за тысячи миль, чтобы посетить святые места на Востоке, оказавшись в Иерусалимском королевстве, испытывали то восторг, то смертельный ужас, порой попеременно в течение одного дня. По словам мусульманского автора, который процитировал Тору, Иерусалим был «золотой чашей, полной скорпионов»³³. Однако эти опасности делали паломничество еще более привлекательным, поскольку страдания считались необходимыми для искупления грехов и спасения души, к чему и стремились пилигримы. И все же мало кому хотелось лежать на обочине дороги растерзанным, с перерезанным горлом. Когда крестоносцы-христиане обосновались в своем новом королевстве в центре мира, стало ясно, что им понадобится защита. Так началась история тамплиеров.

³⁰ Wilkinson et al., *Jerusalem Pilgrimage 1099–1185*, 126, 134, 156, 162–3.

³¹ Ibn al-Khayyat, *Diwan*, Mardam Bek, H. (Damascus: 1958), цит. по: Hillenbrand, *The Crusades: Islamic Perspectives*, 70–1.

³² Ali ibn Tahir Al-Sulami, *Kitab al-Jihad*, f. 189 b, translated into English by Christie, N., <http://www.arts.cornell.edu/prh3/447/texts/Sulami.html>.

³³ Collins, B. (trans.) and Alta'I, M. H. (rev.), *Al-Muqaddasi: The Best Divisions For the Knowledge of the Regions* (Reading: 2001), 141.

2

«Защита Иерусалима»

Орден рыцарей Храма был основан в Иерусалиме в 1119 году, а официально признан между 14 января и 13 сентября 1120 года³⁴. Точной даты нет, потому что поначалу его появление едва ли кто-то заметил. Он возник не на волне народного запроса, не в результате какого-либо дальновидного плана, родившегося в новых христианских государствах или у церковных властей западного христианского мира. Ни одна из сохранившихся хроник того времени, христианская ли, мусульманская ли, не упоминает о зарождении ордена, и сменилось несколько поколений, прежде чем история появления тамплиеров была записана – разумеется, под влиянием положения, которое орден уже занял к тому времени³⁵. Но удивляться тут нечему. Помыслы правителей, жителей, историков и хронистов Иерусалима в 1120 году были заняты совсем другим.

Крестоносцы, пришедшие на Святую землю, были чужеземными захватчиками, которым нужно было утвердить свою власть над населением, состоявшим из представителей разных культур и вероисповеданий: мусульман – суннитов и шиитов, иудеев, греческих и сирийских православных христиан, самаритян и нищих переселенцев, прибывших со всех концов Европы. Новым хозяевам этой земли надо было как-то выживать в этом смешанном окружении, зачастую откровенно враждебном. В 1113 и 1114 годах в Сирии и Палестине произошли сильные землетрясения: целые города сровняло с землей, множество людей погибло под обломками рухнувших домов. Почти каждый год весной происходили нашествия мышей и саранчи: они кишмя кишели в полях и виноградниках, уничтожали посевы и объедали кору с деревьев. Временами луна и небо окрашивались в кроваво-красный цвет. Все это сильно действовало на суеверных переселенцев. Казалось, сама земля желала изгнать крестоносцев, а небеса – покарать их за завоевание³⁶.

Но не меньше, чем нашествия вредителей и тревожные знамения, их беспокоили вопросы обороны и безопасности. Все двадцать лет, прошедшие с тех пор, как франки завоевали Иерусалим и создали четыре государства, им приходилось отчаянно сражаться за свой плацдарм на побережье. В результате крестоносцам удалось взять города Акра, Бейрут и Триполи, и этот успех стал возможен в том числе благодаря регулярному притоку войск с христианского Запада (включая крупную экспедицию из Скандинавии под командованием короля Норвегии Сигурда, который помог королю Балдуину в 1110 году захватить Сидон). Однако эти впечатляющие территориальные завоевания не меняли того, что жизнь под палящим солнцем Левантийского побережья оставалась опасной и непредсказуемой.

В 1118 году Балдуин, первый король Иерусалима, умер. Через три недели вслед за ним в могилу сошел главный представитель Римской церкви в королевстве, патриарх Иерусалима Арнульф. Им на смену пришли граф Эдессы, опытный крестоносец, ставший королем Балдуином II, и Гормон де Пикинья, энергичный священник родом из знатной семьи с севера

³⁴ Эта датировка предлагается и обсуждается в книге: Luttrell, A., 'The Earliest Templars' in Balard, M. (ed.), *Autour de la première croisade* (Paris: 1995), 195–6; см. также: Barber, M., *The New Knighthood: A History of the Order of the Temple* (Cambridge: 1994), 8–9.

³⁵ О зарождении ордена тамплиеров мы знаем из свидетельств Гийома Тирского (начало 1180-х годов), Михаила Сирийца (1190-е), Вальтера Мапа (между 1181 и 1193 гг.) и из «Истории завоевания заморской земли» Бернарда Казначая (1232 г.). Как ни парадоксально, но более поздние из этих свидетельств могут быть ближе к истине, поскольку, по мнению одного ученого, опирались на источник, датируемый периодом до 1129 года. См.: Luttrell, 'The Earliest Templars', 194. Однако ни один из источников не относится ко времени основания ордена, и в случае Гийома Тирского бедность и скромность первых тамплиеров вполне могли быть преувеличены, чтобы по контрасту подчеркнуть их позднее стяжательство и богатство, которые Гийом решительно осуждал.

³⁶ Ryan and Fink, *Fulcher of Chartres: A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127*, 208, 210, 218, 220–1.

Франции. Оба были фигурами грозными, но тем не менее смена власти побудила сельджуков и Фатимидов одновременно начать вторжения на земли христиан, что привело к новому витку военного противостояния. Защита королевства требовала решимости и значительных человеческих ресурсов, и франкам приходилось действовать на пределе возможностей. Историк Фульхерий Шартрский писал об этом так: «Удивительное чудо, что нам удавалось выживать среди многих тысяч [врагов]»³⁷.

1119 год выдался тяжелым, как никогда: произошли сразу два ужасных события. Первое несчастье случилось в Святую субботу, 29 марта, и последовало за чудом схождения благодатного огня в храме Гроба Господня. В ходе этого ежегодного ритуала, проводящегося накануне Пасхи, масляная лампада, хранящаяся у скалы, где находится гробница Христа, самопроизвольно вспыхивает; от священного пламени зажигают свечи и лампы верующих, которые собираются в храме, чтобы своими глазами увидеть это чудо. В 1119 году после его свершения 700 пребывавших в экстазе паломников вышли из церкви и направились в пустыню, к реке Иордан, чтобы окунуться в ее воды и возблагодарить Господа. От восточных стен Иерусалима до Иордана было тридцать два километра пути, но паломникам не удалось пройти его до конца. Хронист Альберт Аахенский записал, что, когда они спустились с гор в «безлюдное место» у реки, вдруг «появились сарацины из Тира и Аскалона [эти два города еще находились в руках мусульман], вооруженные и свирепые». Они напали на паломников, «совершенно безоружных», «утомленных многодневной дорогой и ослабленных постом во славу Иисуса». Сражения не было: «кроважидные нечестивцы преследовали их, триста человек зарубили и шестьдесят взяли в плен», – засвидетельствовал Альберт³⁸.

Едва услышав об этой резне, Балдуин II отправил войска из Иерусалима, чтобы совершить возмездие. Но было поздно: нападавшие уже вернулись в свои убежища и пересчитывали пленных, радуясь богатой добычей.

А еще через три месяца пришли дурные вести с севера. 28 июня 1119 года в Сармаде, на северо-западе Сирии, большое войско христиан из Антиохийского княжества вступило в бой с армией правителя Алеппо Иль-Гази из династии Артукидов³⁹, опытного полководца, хоть и пьяницы. По свидетельству очевидца, сражение происходило во время сильной пыльной бури, подобной «смерчу... который закручивался кверху как огромный кувшин на гончарном круге, зажженный сатанинским огнем».

Погибли сотни христиан. Их предводитель, Рожер Салернский, был «поражен мечом через середину носа прямо в мозг» и умер мгновенно. Вся местность вокруг была усеяна трупами людей и умирающими лошадьми, густо утыканными стрелами⁴⁰. «Конница была уничтожена, пехотинцы порублены на куски, сопровождающие и слуги все взяты в плен», – одобрительно писал арабский историк Ибн аль-Адим⁴¹. Но это было еще не все. После битвы несколько сотен христианских пленников связали друг с другом и прогнали, мучимых зноем, мимо бочки с водой, из которой им не разрешалось пить. Затем одних забили. С других содрали кожу. Некоторых закидали камнями. Остальных обезглавили⁴². Фульхерий Шартрский подсчитал, что всего было убито семь тысяч христиан, в то время как Иль-Гази потерял лишь двадцать

³⁷ Там же. С. 150.

³⁸ Edgington, S. B., *Albert of Aachen, Historia Ierosolimitana: History of the Journey to Jerusalem* (Oxford: 2007), 881. Альберт Аахенский не был свидетелем событий, происходивших в Иерусалимском королевстве, но написал свой длинный и очень подробный отчет, основываясь на рассказах германских участников крестовых походов.

³⁹ Артукиды были племенной турецкой династией, основателем которой стал воин по имени Артук-бей, полководец сельджукского султана Малик-шаха I. Потомки Артука, сунниты, правили независимым государством, расположенным на территории северной Месопотамии, северной Сирии и восточной Анатолии.

⁴⁰ Edgington, S. B. and Asbridge, T. S. (ed. and trans.), *Walter the Chancellor's 'The Antiochene Wars' – a translation and commentary* (Aldershot: 2006), 88; Asbridge, T., *The Crusades: The War for the Holy Land* (London: 2010), 164–7.

⁴¹ Gabrieli, F. (ed.) and Costello, E. J. (trans.) *Arab Historians of the Crusades* (London: 1969), 37–8.

⁴² Edgington and Asbridge, *Walter the Chancellor's 'The Antiochene Wars'*, 132–5.

человек⁴³. Возможно, Фульхерий преувеличил цифры, но это страшное поражение получило среди франков название «Битва на Кровавом поле»⁴⁴. Оно потрясло не только антиохийцев, но и всех христиан Святой земли. Произошедшие после него события посеяли семена, из которых вскоре возшла идеология тамплиеров.

После битвы нужно было срочно принять меры, чтобы не допустить дальнейших потерь в Антиохии. Иль-Гази уже готовился штурмовать город. По свидетельству Готье, канцлера Антиохии, который почти наверняка участвовал в битве и, скорее всего, попал в плен на Кровавом поле, «франки лишились почти всей военной силы». У Иерусалимского королевства спешно попросили помощи, но было ясно, что придет она не сразу.

В образовавшемся вакууме власти вперед выступил человек по имени Бернард из Валенсии, латинский патриарх Антиохии⁴⁵. Он был одним из высокопоставленных церковников государств крестоносцев. Патриархом Бернард стал в 1100 году, когда франки, завоевавшие Антихию, изгнали греческого православного патриарха и поставили на его место своего человека, следующего традициям Римской церкви. За эти годы ему нередко приходилось помогать христианским воинам готовиться к сражениям: он проповедовал солдатам и выслушивал исповеди тех, кто проливал кровь в битвах. Но теперь от него требовалось спасти не только души, но и свой город.

«В силу необходимости все зависело от пастыря», – написал канцлер Готье, и это были не просто красивые слова⁴⁶. Пока Иль-Гази собирал свои войска, антиохийский патриарх принял на себя командование обороной города. Он ввел комендантский час и издал указ, согласно которому никто в Антиохии не мог иметь при себе оружие, кроме франков. После этого он позаботился о том, чтобы на каждой оборонительной башне в городе были монахи и священнослужители, а также – в помощь им – горожане из числа христиан. По его настоянию они постоянно молились за «спасение и защиту», а сам он «не переставал... обходить по очереди, ночью и днем, в сопровождении вооруженного духовенства и рыцарей, ворота, валы, башни и стены»⁴⁷.

Он действовал скорее как воин, чем как служитель церкви. И это принесло успех: увидев, что город хорошо защищен, Иль-Гази отказался от штурма. Это позволило Балдуину II собрать войска и перехватить инициативу в кампании. Антиохия была спасена. По словам канцлера Вальтера, «духовные лица... проявили себя как мудрые и решительные воины... и с Божьей помощью защитили город от врага»⁴⁸. Это было только началом.

* * *

Представление о том, что служители церкви могут идти в бой не только с молитвой, но и с оружием в руках, едва ли было внове. На протяжении тысячи лет в христианстве существовало противоречие между пацифизмом, явленным жизнью Христа, и воинственностью христианской риторики и Священного Писания⁴⁹. И это же представление естественно проистекало из идей, породивших движение крестоносцев.

⁴³ Ryan and Fink, *Fulcher of Chartres – A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127*, 227.

⁴⁴ В этом названии есть отсылка, возможно преднамеренная, к библейскому названию поля, на котором хоронили странников и которое было куплено старейшинами Иерусалима за тридцать сребренников, возвращенных им Иудой Искаротом незадолго до его самоубийства (Матф. 27:6–8).

⁴⁵ Больше о Бернарде см.: Edgington and Asbridge, *Walter the Chancellor's 'The Antiochene Wars'*, 34–42.

⁴⁶ Edgington and Asbridge, *Walter the Chancellor's 'The Antiochene Wars'*, 138.

⁴⁷ Там же. С. 139.

⁴⁸ Там же. С. 140.

⁴⁹ Литература по представлениям христиан о священной войне очень обширна. Лаконичный обзор см. в книге: Smith, K. A., *War and the Making of Medieval Monastic Culture* (Woodbridge: 2011), особ. 71–111.

На первый взгляд, христианская вера призывала к миру. Иисус предостерегал своих учеников от того, чтобы они прибегали к насилию, и убеждал их убрать оружие даже тогда, когда его брали под стражу в Гефсиманском саду. Он говорил, что «все, взявшие меч, мечом погибнут»⁵⁰. Но не прошло и нескольких десятилетий после его смерти, а святой Павел уже увещивал ефесян облечься «в броню праведности» и «шлем спасения» и взять «меч духовный, который есть Слово Божие»⁵¹. Да, война Павла была скорее духовной, но термины христианской идеологии были позаимствованы из языка войны настоящей. Идея о том, что жизнь христианина являет собой акт вселенской духовной битвы с дьяволом, доминировала в мировоззрении многих великих религиозных мыслителей, таких как святой Амвросий и блаженный Августин. В этом, вероятно, нет ничего удивительного, учитывая, как часто в первые века после возникновения христианства верующие подвергались физическому насилию и принимали мученическую смерть за веру. В конце концов мученичество само по себе стало вызывать восхищение и превратилось в главную составляющую понятия святости.

Ко времени Первого крестового похода представление о священной войне перестало быть метафорическим. Общество в христианской Европе строилось вокруг воинской касты – рыцарей, и служителям церкви порой приходилось непосредственно участвовать в войнах, больше не довольствуясь борьбой только лишь за души. В 908 году Рудольф I, епископ Вюрцбургский, погиб, сражаясь с венграми. Английская хроника «Летопись Абингдона», составленная незадолго до Первого крестового похода, описывает, как настоятель Абингдона командовал рыцарской дружиной⁵². Но нельзя сказать, что практика священной войны была общепринятой: в IX веке папа Николай I заявил, что служителям церкви должно следовать примеру Христа и, когда нужно защитить себя, подставлять другую щеку; а византийская принцесса и историк Анна Комнина часто высказывала в своих трудах неприязнь к самой идее о том, что христианское духовенство может быть причастно к калечению и убийству людей⁵³.

Однако в разгар войны в Сирии и Палестине ограничивать христиан в ношении и применении оружия выглядело все более неразумным. С самого начала важным фактором существования крестовых походов стало широкое признание концепции христианской священной войны, которую люди светские вели ради духовного вознаграждения. Вслед за тем папы вырабатывали практическую философию применения силы христианами, реализованную в Первом крестовом походе. Миряне, которые отправлялись на Восток воевать с мусульманами, описывались как присоединившиеся к «воинству Христову» (*militiae Christi*) и вступившие в «Евангельское войско» (*evangelicam militiam*)⁵⁴. А отсюда было недалеко до того, чтобы признать: раз сражающиеся могут считаться божьими людьми, значит, и божьи люди могут сражаться. Учитывая ситуацию, сложившуюся в государствах крестоносцев к 1120 году, необходимо было признать, что священнослужитель может время от времени брать в руки оружие, как это сделал в Антиохии патриарх Бернард. И спустя несколько месяцев на большом собрании духовных и светских лидеров Иерусалимского королевства идея о том, что церковникам дозволяется носить оружие, была узаконена.

Совет, созданный королем Балдуином II и Вармундом, латинским патриархом Иерусалима, собрался 16 января 1120 года. Местом его проведения был выбран Наблус – палестин-

⁵⁰ Евангелие от Матфея 26:52.

⁵¹ Послание к Ефессянам 6:14–17.

⁵² Sneddon, J., 'Warrior Bishops in the Middle Ages' *Medieval Warfare* 3 (2013), 7.

⁵³ Dennis, G. T., 'Defenders of the Christian People – Holy War in Byzantium' in Laiou, A. E. (ed.), *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* (Washington, DC – 2001), 31–3. См., напр.: Sewter, E. R. A. (trans.) and Frankopan, P. (rev.), *Anna Komnene – The Alexiad* (London: 2009), 39, 279.

⁵⁴ Иво, епископ Шартрский, написал так о Гуго, графе Шампанском, в 1114 году. Migne, J. P. (ed.), *Patrologia Latina: Patrologus Cursus Completus. Series Latina* (Paris: 1844–64) CLXII, 251–3. Для понимания контекста см.: Nicholson, *The Knights Templar*, 22.

ский город, расположенный в поросшей оливами долине между двумя горами⁵⁵. Участие в соборе приняли многие из высокопоставленных священнослужителей Святой земли, в том числе архиепископ Кесарийский, епископы Назарета, Вифлеема и Рамлы и – что сыграет особую роль – настоятели храма Гроба Господня и храма Господня в Иерусалиме. Цель собрания состояла в том, чтобы выработать свод письменных законов, или «канонов», для управления королевством в угоду Господу.

Совет в Наблусе принял двадцать пять статей, которые регулировали распределение полномочий между светскими и духовными властями, а также вопросы сексуальных норм⁵⁶. Прелюбодеяние, содомия, двоеженство, сводничество, проституция и плотские сношения с мусульманами, а также воровство были определены как грехи, за которые предусматривались разные виды наказаний – от епитимьи и ссылки до кастрации и отрезания носа. Но среди прочего была принята и статья, имевшая решающее значение для возникновения ордена тамплиеров. Это был канон 20, и в его первой строке говорилось, что «если служитель церкви берет в руки оружие для защиты себя, он не несет никакой вины». Далее было сказано, что это может быть лишь временной мерой и что отказ от священного долга ради воинского возможен только под угрозой физического насилия (священнослужители, которые навсегда отказывались от монашеского пострига, чтобы стать рыцарями или присоединиться к светскому обществу, могли быть наказаны патриархом и королем). Тем не менее в ситуации первых месяцев 1120 года это было действительно важное нововведение. Собравшиеся в Наблусе не просто разработали свод моральных и юридических законов для Святой земли. Они облекли в закон революционную идею, которая вскоре перерастет в убеждение – и реализуется на деле, – что служители церкви, взявшие в руки оружие, могут стать главной защитой христианских государств на Востоке.

* * *

«В начале правления Балдуина II, – писал в конце XII века священник Михаил Сириец, – из Рима в Иерусалим прибыл некий француз, чтобы вознести молитвы»⁵⁷. Этого француз звали Гуго де Пейн. Он родился около 1070 года, предположительно в местечке Пейн, недалеко от города Труа, что находится примерно в 145 км к юго-востоку от Парижа в округе Шампань. Нам мало что известно о ранних годах жизни Гуго де Пейна, кроме того, что он имел достаточно высокое положение для того, чтобы свидетельствовать своей подписью грамоты местных дворян. Если Михаил Сириец не ошибся, то к тому времени, когда в январе 1120 года собрался Наблусский совет, Гуго де Пейн пребывал в Святой земле примерно столько же, сколько Балдуин был королем, – около двадцати месяцев. Этого оказалось достаточно для него, чтобы осмотреть все достопримечательности, оценить обстановку и, очевидно, решить не пробираться домой через кишасшие пиратами воды Восточного Средиземноморья, а провести остаток жизни – еще немалый – среди франков, населяющих Иерусалим. Он собирался сначала поступить в королевское войско, а затем, покончив с этой полной опасностей службой, принять монашеский постриг⁵⁸.

⁵⁵ Описание Наблуса, сделанное в тот период арабом-мусульманином из Иерусалима, см. в книге: Collins and Alta'I, *Al-Muqaddasi: The Best Divisions For the Knowledge of the Regions* (Reading: 2001), 146.

⁵⁶ Напечатаны на латыни в: Kedar, B. Z., 'On the Origins of the Earliest Laws of Frankish Jerusalem: The Canons of the Council of Nablus, 1120', *Speculum*, 74 (1999). О политическом контексте Наблусского совета см.: Mayer, H. E., 'The Concordat of Nablus', *Journal of Ecclesiastical History* 33 (1982), 531–43.

⁵⁷ Наиболее удобный источник, в котором можно найти четыре основных упоминания о появлении ордена тамплиеров, включая этот отрывок из хроники Михаила Сирийца: Barber, M. and Bate, K. (eds. and trans.), *The Templars: Selected Sources* (Manchester: 2002), 25–31.

⁵⁸ Согласно Михаилу Сирийцу. См.: Barber and Bate, *The Templars: Selected Sources*, 27.

В своих стремлениях Гуго был не одинок. В то время в Иерусалиме образовалось целое сообщество таких же, как он, людей рыцарского звания, и собрались они в самом популярном у всех прибывающих на Святую землю месте: в храме Гроба Господня⁵⁹.

Но они не просто старались держаться вместе, а сделали нечто большее: очевидно, в месяцы, предшествовавшие Наблусскому совету, группа иерусалимских рыцарей, прибывших с Запада (более поздние источники предполагали, что первоначально их было от девяти до тридцати человек), создала своего рода свободное братство по типу тех, что появились в Европе за век до этого и защищали церкви и святыни от грабителей⁶⁰. Они присягнули на верность Герарду, настоятелю храма Гроба Господня, оказавшему им гостеприимство и покровительство⁶¹, и приняли решение не просто соблюдать обычные обеты крестоносцев, а принять монашеские обеты покаяния, бедности и послушания, оставаясь при этом не служителями церкви, а воинами-паломниками, могущими сражаться.

К началу января 1120 года стало очевидно, что потенциал этих религиозно настроенных рыцарей никак не используется. Один более поздний автор описывал жизнь Гуго де Пейна и его товарищей в то время как полную разочарования из-за невостребованности и безделья: оставаясь в храме Гроба Господня, они «пили, ели, попусту проводили... время и не делали ничего»⁶². Если так, то это было явное упущение. К тому времени уже существовал орден монахов-бенедиктинцев, которые посвятили себя служению больным и раненым паломникам в лазарете, получившем название «Госпиталь Святого Иоанна Иерусалимского». Этот орден – госпитальеры – был официально признан папой в 1113 году, и его странноприимный дом находился недалеко от храма Гроба Господня. Монахи этого ордена еще не были воинами (хотя позднее стали), но уже играли заметную роль в жизни города. Было очевидно, что еще один орден вооруженных сопровождающих для пилигримов мог бы снизить нагрузку на госпитальеров и помочь тысячам людей, прибывающих на Святую землю.

Примерно в то время, когда собирался Наблусский совет, было решено, что эта группа благочестивых рыцарей не должна обретаться при храме Гроба Господня: им нужно предоставить независимость, дать им кров и возможность кормить и одевать себя, а также участвовать в молитвенных богослужениях. Средства на их содержание предоставляла корона, но миссия, которую им предстояло выполнять, была одинаково значима и для короля, и для патриарха, и для любого христианина, оказавшегося в Святой земле. Как было сказано в уставе от 1137 года, они должны были «защищать Иерусалим и охранять паломников»⁶³. Принесшие обет бедности воины-охранители, крошечное братство, посвятившее себя оружию и молитве, теперь тамплиеры обрели цель.

* * *

На протяжении тысячелетий на восточной стороне Иерусалима стояли храмы. Первым был огромный комплекс, возведенный Соломоном, сказочно богатым, мудрым и ценившим мирские блага ветхозаветным царем, правившим племенами Израиля после смерти своего отца, царя Давида. Строительство храма Соломона подробно описано в Третьей книге Царств. Он был из «дорогих камней», обшит искусно вырезанными кедровыми и кипарисовыми досками, а также листовым золотом и поддерживался бесчисленными колоннами; в его сердце

⁵⁹ Согласно «Истории завоевания заморской земли» Бернарда Казначей (1232 г.). Barber and Bate, *The Templars: Selected Sources*, 30.

⁶⁰ Forey, A., 'The Emergence of the Military Order in the Twelfth Century' в *Journal of Ecclesiastical History* 36 (1985), 175–95.

⁶¹ Цифру девять называет Гийом Тирский, тридцать – Михаил Сириец.

⁶² de Mas Latrie, L. (ed.), *Chronique d'Ernoul et de Bernard le Trésorier* (Paris: 1871), 7–9.

⁶³ d'Albon, Marquis (ed.), *Cartulaire général de l'Ordre du Temple, 1119? – 1150. Recueil des chartes et des bulles relatives à l'Ordre du Temple* (Paris: 1913), 99.

располагалась святая святых, комната, где «жило» имя Бога и где находился Ковчег Завета – хранилище скрижалей, на которых были записаны Десять заповедей⁶⁴.

Но в 586 году до нашей эры вавилонский царь Навуходоносор II разрушил храм Соломона, и с этого момента следы Ковчега Завета теряются. Несколько десятилетий спустя храм восстановили. Второй храм был построен иудейскими изгнанниками, вернувшимися в Иерусалим в 520 году до нашей эры, и значительно расширен полвека спустя во время правления Ирода Великого. Он стоял на огромной каменной платформе, покрывавшей естественное возвышение – Храмовую гору, и был местом, где совершали жертвоприношения, возносили молитвы, торговали, лечили и где проходили все значимые мероприятия. Строительные работы завершились около 10 года до нашей эры, и к тому времени, когда в Иерусалиме проповедовал Иисус Христос, храм был центром еврейской жизни. Как и Первый храм Соломона, Второй храм был разрушен внешним врагом: в 70 году его уничтожил пожар, случившийся во время подавления еврейского восстания против римского императора Тита. А шестьдесят пять лет спустя его руины сровняли с землей и на этом месте воздвигли языческие статуи.

К тому времени, когда Гуго де Пейн основал в Иерусалиме свой орден, Храмовая гора претерпела еще одно переустройство: его произвели не иудеи и не христиане, а Омейяды – могущественный суннитский халифат, под власть которого город попал в конце VII века, спустя несколько десятилетий после смерти Мухаммеда. На горизонте Иерусалима теперь доминировали два великолепных здания. Золотая крыша Купола Скалы сверкала, как огненный шар, видимый на километры вокруг («Как только лучи солнца попадают на купол и барабан излучает свет, то действительно это чудесно созерцать», – так описал мечеть мусульманский путешественник и географ X века)⁶⁵. А в другой части комплекса Храмовой горы находилось еще одно впечатляющее здание: мечеть Аль-Акса, обновленная в 1030-х годах. Она считалась самой главной и самой красивой мечетью за пределами Аравии, даже более величественной, чем Большая мечеть Дамаска. Персидский путешественник, посетивший Аль-Аксу в период ее расцвета, так описал увиденное:

Двести восемьдесят мраморных колонн поддерживают каменные своды, и как стволы, так и капители колонн украшены резьбой... мечеть повсюду отделана цветным мрамором, а пространства между камнями заполнены свинцом... наверху возвышается могучий купол, украшенный мозаикой...⁶⁶

Близ мечети жили благочестивые люди, ушедшие от мира и посвятившие свою жизнь вере: историк Ибн аль-Асир писал, что во времена Первого крестового похода мечеть посещали «имамы, улемы, праведники и подвижники, мусульмане, покинувшие родные земли и приехавшие жить святой жизнью в этом почитаемом месте»⁶⁷. Под властью крестоносцев и Купол Скалы, и Аль-Акса перестали быть исламскими святынями: Купол стал церковью, а в мечети разместился дворец короля Иерусалима. Христиане стали называть Купол Скалы храмом Господним, а Аль-Аксу – храмом Соломона, по ее историческому местоположению. Перейдя от мусульман к христианам, это место сохранило свою притягательность для людей, жаждущих духовной жизни: именно здесь в 1120 году разрешили поселиться Гуго де Пейну и небольшой группе его последователей после создания ордена. По словам христианского автора по имени

⁶⁴ 3-я Цар. 6–8.

⁶⁵ Collins and Alta'I, *Al-Muqaddasi: The Best Divisions For the Knowledge of the Regions*, 143. Здание Купола Скалы было построено омейядским халифом Абд аль-Маликом, завершено в 691 году. Возведено над камнем Основания, святая святых Иерусалимского храма.

⁶⁶ Le Strange, G. (ed. and trans.), *Diary of a Journey through Syria and Palestine*. By Nâsir-i-K'husrau, in 1047 A. D. (London: 1888), I, 30.

⁶⁷ Richards, D. G., *Chronicle of Ibn al-Athir*, I, 21.

Эрнуль, это была «самая великолепная» королевская резиденция в городе⁶⁸. Живший в XII веке архиепископ и хронист Гийом Тирский пояснял, что «поскольку... они живут напротив Храма Господня в королевском дворце, их называют братством рыцарей Храма»⁶⁹.

Но, несмотря на такое место проживания, нельзя сказать, что тамплиеры купались в роскоши. В первые годы, проведенные в храме Гроба Господня, они зависели от пожертвований, поступавших в том числе и от госпитальеров, которые отдавали им оставшуюся пищу⁷⁰. Официальное признание и поселение на Храмовой горе не слишком повлияли на материальное положение тамплиеров. По свидетельству валлийского придворного и хрониста Вальтера Мапа, Гуго де Пейн и его люди располагали «скромным одеянием и скудными запасами пищи», но Гуго использовал «убеждение, молитву и все имевшиеся в его распоряжении средства», чтобы побудить «всех воинов-пилигримов посвятить свою жизнь служению Господу в этом месте навсегда или хотя бы на время»⁷¹. Указом Балдуина II и патриарха Вармунда в пользу тамплиеров поступали налоги, собираемые с нескольких деревень близ Иерусалима, «чтобы обеспечить их одеждой и пропитанием», но большую часть первого десятилетия существования ордена малочисленное братство тамплиеров жило лишь за счет скудных пожертвований, одеваясь в обноски, а не в то отличительное обмундирование, которое появится у них позднее⁷².

По правде говоря, жилище их тоже было довольно неприхотливым. Описывая здание бывшей мечети, историк Фульхерий Шартрский называл его «огромным и великолепным». Но король Балдуин I распорядился снять и продать свинцовые листы с его крыши, после чего никто не предпринимал попыток починить ее. «По причине нашей бедности [оно] не может быть сохранено в том состоянии, в котором мы нашли его», – писал Фульхерий о здании⁷³. При завоевании Иерусалима христианами в 1099 году именно здесь убили великое множество мусульманских женщин и детей: крови было по щиколотку. А теперь это место стало, по словам одного из пилигримов, посетивших храм Соломона вскоре после того, как там обосновались люди Гуго де Пейна, «пристанищем новых рыцарей, охраняющих Иерусалим»⁷⁴.

Если эти новые рыцари стремились преуспеть в защите христианских жителей Иерусалима, паломников и окрестных земель от многочисленных врагов, им нужно было расти численно и приумножать богатства. Но главное – им необходимо было обрести статус. Для этого Гуго де Пейну и его сподвижникам предстояло обратить свои взоры за пределы непосредственного окружения, к тому миру, откуда они прибыли на Святую землю. Им нужно было добиться одобрения папы римского.

⁶⁸ Barber and Bate, *The Templars: Selected Sources*, 31.

⁶⁹ Там же. С. 26.

⁷⁰ Luttrell, 'The Earliest Templars', 198, 202.

⁷¹ James, M. R. (ed. and trans.), Brooke, C. N. L. and Mynors, R. A. B. (rev.), *Walter Map: De Nugis Curialium, Courtier's Trifles* (Oxford: 1983), 54–5.

⁷² Barber and Bate, *The Templars: Selected Sources*, 26.

⁷³ Ryan and Fink, *Fulcher of Chartres: A History of the Expedition to Jerusalem 1095–1127*, 118.

⁷⁴ Wilkinson et al., *Jerusalem Pilgrimage 1099–1185*, 200.

3

«Новое рыцарство»

Однажды в канун Рождества, за несколько лет до взятия Иерусалима, семилетнему мальчику из Фонтена, что в Бургундии, приснился сон. Он увидел Деву Марию, держащую на руках младенца Христа, как будто он родился в тот самый момент, прямо у него на глазах. Бернарду (впоследствии получившему известность как Бернард Клервоский, а еще позже – просто как святой Бернард) предстояло стать одним из величайших религиозных деятелей своего времени: поборником реформирования монастырей, прославленным ученым, велеречивым и неутомимым автором обширной переписки, блестящим проповедником и первым покровителем и отцом-основателем ордена тамплиеров⁷⁵. Его религиозные прозрения определили направление деятельности западной церкви в первой половине XII века.

В 1126 году, когда Гуго де Пейн покинул Францию, Бернарду было тридцать шесть лет. Двенадцать из них он был аббатом основанного им монастыря в Клерво (фр. *Clair Veaux* – «Ясная долина») в области Шампань. Монастырь находился в глухой болотистой местности, между рекой Об с одной стороны и двумя невысокими холмами с другой: один засажен виноградом, а другой – зерновыми. Здесь несколько десятков цистерцианских монахов в белых одеяниях жили под руководством Бернарда, следуя строгому монашескому уставу. Орден цистерцианцев возник в 1098 году, когда группа монахов из более популярного Бенедиктинского ордена основала новый монастырь в Сито близ Дижона, чтобы посвятить себя более чистой и строгой монашеской жизни. Главными ценностями цистерцианцев стали простое, аскетическое существование, тяжелый физический труд и уединенная жизнь вдали от цивилизации. Цистерцианцы сознательно противопоставляли себя одетым в черное братьям бенедиктинских монастырей, которые питали слабость к хорошей еде, физическому труду предпочитали литургическое пение и украшали богатые интерьеры своих соборов произведениями искусства и драгоценной утварью. В противоположность им цистерцианские монахи под попечительством Бернарда вели жизнь, полную послушания, молитв, учения, аскезы и непрестанного труда на мельницах, полях и рыболовных прудах аббатства. «Это место, где услаждается взор, укрепляется слабый дух, смягчается страдающее сердце и укрепляется вера всех, кто ищет Господа», – писал в XII веке один из посетителей Клерво⁷⁶. В то же время такая жизнь не была легкой, так как считалось, что страдания плоти и скудная пища ведут к духовному прозрению и близости к Богу. Бернарду она подходила как нельзя лучше.

Устраивала она и многих других: цистерцианцы были не единственными, кто пытался переосмыслить монашеское служение. XII век стал временем едва ли не самого активного в Средневековье обновления христианства. Монашество расцвело и обрело невиданную со времен возникновения Церкви популярность. «О, как неисчислимо умножилось по божественной благодати в наши дни монашеское братство, – писал один аббат в 1130-х. – Оно охватило почти всю сельскую местность Галлии [т. е. Франции] и заполнило города, замки и крепости»⁷⁷. И это были не просто слова: с середины XI до середины XII века количество монастырей во многих частях Европы выросло на тысячу процентов⁷⁸.

⁷⁵ О жизни Бернарда см.: Evans, G. R., *Bernard of Clairvaux* (Oxford / New York: 2000), 5–21.

⁷⁶ Matarasso, P., *The Cistercian World: Monastic Writing of the Twelfth Century* (London: 1993), 287–92.

⁷⁷ Петр Достопочтенный, написавший это, был настоятелем бенедиктинского монастыря; как и Бернард Клервоский, он числил среди своих друзей принцев и королей и много размышлял об изменяющемся характере монашества в XII веке. Перевод взят из книги: Constable, G., *The Reformation of the Twelfth Century* (Cambridge: 1996), 45.

⁷⁸ Там же. С. 47.

Этот всплеск интереса к монашеской жизни сопровождался стремлением к новым ее формам, в основе которых были бедность, послушание и созерцание. Кроме цистерцианцев в конце XI – начале XII века были созданы орден Гранмон (очень строгий и бедный, основанный близ Лиможа около 1100 года), ордены картезианцев (орден отшельников, основанный в 1084 году святым Бруно), тиронианцев (одетые в серое, сурово кающиеся братья, следовавшие примеру святого Бернарда Тиронского, который основал аббатство в 1109 году), премонстрантов (основан святым Норбертом около 1120 года, чтобы проповедовать обычным прихожанам из общины подобно каноникам-августинцам) и многие другие, часть из которых выжила, а часть вскоре исчезла. Во многих религиозных орденах, как старых, так и новых, предусматривались дома для женщин, ведущих монашеский образ жизни. Кроме того, наблюдалась тенденция к тому, чтобы женщины становились отшельницами или затворницами. Все это позволяло людям выражать свои религиозные порывы, присоединившись к ордену, устав которого определял, что они будут носить, где жить, что есть и как говорить (или не говорить вовсе).

Незадолго до октября 1126 года Бернард Клервоский получил от короля Иерусалима Балдуина II письмо⁷⁹. В нем король сообщал, что на оспариваемых землях на Востоке появилось новое религиозное братство, членов которого «Господь побудил» защищать государство крестоносцев⁸⁰. Это, писал Балдуин, *fratres Templarii* – братство Храма, – и оно нуждается в признании и уставе, которому могло бы следовать. Потому Балдуин намеревался отправить двоих своих людей, чтобы они могли «добиться для ордена папского одобрения». Он рассчитывал, что понтифик поможет тамплиерам получить деньги и покровительство, дабы те могли успешнее бороться с «врагами веры»⁸¹. Балдуин призывал Бернарда употребить свое влияние на то, чтобы светские правители по всей Европе поддержали тамплиеров, а папа официально признал новый орден.

Едва ли во всей Европе можно было сыскать лучшую кандидатуру, чтобы обратиться за помощью. Бернард был реформатором, крупным мыслителем и как никто понимал, что заставляет людей искать в жизни новое призвание. Что еще важнее, он умел получать поддержку власть имущих. В сотнях писем, написанных им за долгую жизнь, – на вычурной латыни и часто очень длинных – он льстил, умолял, запугивал и поносил всех – от пап, королей, архиепископов и аббатов до беглых послушников и девушек, собравшихся уйти в монахини, но усомнившихся в своем призвании. Его интересовали как весомые события – война или папский раскол, так и самые незначительные. В одном из писем папе Иннокентию II, написанном от группы бедных цистерцианцев, Бернард сначала просил прощения за то, что беспокоит такого занятого человека, а затем наставлял его, как быть папой: «Если вы верны долгу и традициям апостольского престола, то не будете пренебрегать жалобами бедных»⁸². В другой раз он написал пространное послание юной девушке Софии, веля ей сохранить целомудрие и предлагая сравнить себя с другими женщинами, которые живут свободно и предпочитают духовной чистоте пышные наряды: «Они одеты в пурпур и шелка, но их души в лохмотьях. Их тела сверкают драгоценностями, но их жизни опорочены тщеславием»⁸³. Бернард был мастером красноречия и другом сильных мира сего – что ценно в любую эпоху.

Тем не менее не только это делало поддержку Бернарда желанной. Между формирующимся идеалом тамплиеров и цистерцианским движением, в которое Бернард влился еще молодым человеком, было много общего. Оба ордена были духовными организациями нового типа, основанными на бедности, послушании и отказе от мирского тщеславия в пользу тяжелых

⁷⁹ Письмо напечатано в книге: d'Albon, Marquis, Cartulaire général de l'Ordre du Temple, 1119? – 1150, 1; я следую здесь датировке и атрибуции, предложенным в книге: Barber, *The New Knighthood*, 337 n29.

⁸⁰ d'Albon, Marquis, Cartulaire général de l'Ordre du Temple, 1119? – 1150, 1.

⁸¹ Там же. Двоих посланников, которых собирался отправить Балдуин, звали Андре и Годемар.

⁸² James, B. S. (trans.), *The Letters of St Bernard of Clairvaux* (London: 1953), 357.

⁸³ Там же. С. 175–6.

трудов во славу Господа. Кроме того, через своих первых братьев орден храмовников имел тесные связи с Шампанью, тем регионом Франции, где размещалось аббатство Клерво и где провел большую часть жизни Бернард.

Итак, в 1126 году, получив от короля Балдуина письмо с просьбой о содействии, Бернард отнесся к ней благосклонно. А в следующем году, осенью 1127-го, посланники, о которых писал Балдуин, прибыли в Европу⁸⁴. Возглавлял их первый великий магистр ордена Храма Гуго де Пейн.

* * *

На Запад его отправили с целью добиться поддержки для христианского королевства на Востоке. Эту миссию он выполнял не один. Гуго стал одним из нескольких высокопоставленных посланников Святой земли, которые посетили Европу между 1127 и 1129 годом, чтобы укрепить связи между двумя частями западно-христианского мира. Среди них был также Гийом де Бюр, королевский коннетабль, который прибыл, чтобы заключить брачный союз между старшей дочерью Балдуина Мелисендой и Фульком, графом Анжуйским, что обещало сделать последнего преемником Балдуина, не имевшего сыновей. В качестве претендента на трон граф Анжуйский был прекрасным выбором: богатый вдовец в возрасте около сорока лет, человек благочестивый, но суровый, опытный крестоносец, питавший неустанный интерес к делам Востока. Говорили, что он содержит за свой счет (и речь, несомненно, шла о немалой сумме) сто рыцарей в Иерусалиме. Во время пребывания в заморских землях в начале 1120-х годов граф познакомился с некоторыми из первых тамплиеров и с тех пор платил им скромное, но полезное ежегодное вспомоществование в размере «тридцати ливров на деньги Анжу»⁸⁵.

Тем не менее добиться его согласия на то, чтобы стать наследником Балдуина, было непросто. Это потребовало бы от Фулька передать свои земли во владение сыну, отправиться за тысячи километров, чтобы встретиться с женщиной, которую он никогда прежде не видел, взять ее в жены и стать правителем самых беспокойных земель христианского мира. Чтобы подсластить пилюлю, Гийом привез с собой поистине великолепные дары, в том числе часть Креста Господня и богато украшенный меч, которые должны были быть переданы собору в Ле-Мане, во владениях Фулька⁸⁶.

У Гуго де Пейна столь впечатляющих даров с собой не было, хотя перед ним стояла задача ничуть не менее важная и сложная. Если Гийому предстояло уговорить одного-единственного человека принять корону, то Гуго было поручено убедить сотни мужчин отказаться от своего имущества и, возможно, даже пожертвовать жизнью в обмен на куда более сомнительное вознаграждение.

Гуго нужно было завербовать новых сторонников: Балдуин II планировал поход на Дамаск, полноценную военную кампанию вместо единичных вторжений на территорию противника, которые он начал в конце 1125 года. Король Иерусалима надеялся отвоевать великий город – опору суннитского халифата – у тюркского атабека Тюгтекина⁸⁷⁸⁸. Балдуин подсчитал, что взятие Дамаска потребует, говоря словами хрониста Гийома Тирского, «всей военной

⁸⁴ Датировку см.: Barber, *The New Knighthood*, 12.

⁸⁵ Chibnall, M., *The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis VI* (Oxford: 1978), 310–11.

⁸⁶ Phillips, J., *Defenders of the Holy Land: Relations between the Latin East and the West, 1119–1187* (Oxford: 1996), 26. Собор Св. Юлиана является местом захоронения знаменитого сына Фулька, Джеффри Плантагенета.

⁸⁷ В раздробленной империи сельджуков существовало несколько уровней правления. Султан был верховным правителем. Эмир стоял на ступень ниже, он мог быть во главе города или региона. Но если эмир был слишком юн или слаб, чтобы править самостоятельно, от его имени властвовал атабек, своего рода регент.

⁸⁸ Там же. С. 23.

мощи королевства»⁸⁹. Он предвидел, что ему понадобятся дополнительные силы с Запада; убедить присоединиться к кампании как можно больше рыцарей и опытных командиров – вот что было основной задачей Гуго.

Именно потому, что он был великим магистром ордена Храма, ему поручили возглавить такую важную миссию. Орден был молод, но он уже зарекомендовал себя как элитная военная организация на службе у христианских государств Востока. Позднейшие утверждения, будто в течение первых девяти лет существования ордена в нем состояло только девять братьев, звучали романтично и эффектно с точки зрения нумерологии, но не имели ничего общего с действительностью⁹⁰

⁸⁹ Babcock, E. A. and Krey, A. C., *A History of Deeds Done Beyond the Sea: By William, archbishop of Tyre II* (New York: 1943), 27.

⁹⁰ Там же. С. 524.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.